

Наталья Кашовская

Караимская фамильная ономастика

(по эпитафиям иудейского некрополя Чуфут-Кале
и ритуальной караимской коллекции Государственного
Музея Истории Религии)

Досліджуючи епіграфі з цвинтаря Чуфут-Кале (Крим) та караїмську ритуальну колекцію з Державного музею історії релігії (Санки-Петербург) автор відслідковує ранні випадки вживання прізвищ серед кримських караїмів.

Ключевые слова: Симферополь, Евпаторія, Гезлев, Чуфут-Кале, іудеї, євреї, караїми, кладовище, некрополь, могильник, надгробний камінь, гехал, арон-ха-кодеш, парохет, синагога, кенаса, габай, шапшал, епітафія, евлогія

Среди современных исследовательских направлений по истории, культуре и этнографии небольшой этнолингвистической группы – караимов – представители которой проживают, в том числе, и в ряде регионов Украины, сравнительно мало тех, что затрагивали бы обрядовые традиции или историю бытования конкретных вещей. Ритуальные предметы когда-то были встроены в иерархическую структуру по степени своей причастности к кульгу; их создатели стремились, чтобы они соответствовали религиозному канону. Нам сегодня только предстоит приблизиться к пониманию той роли, которую эти предметы играли в культе. Ритуальные предметы, приобретенные от носителей религиозной традиции или их потомков, становятся интересны вдвойне; с учетом информации, откуда они и где бытовали, кем и как были созданы, кому принадлежали, каким путем попали в коллекции.

Караимская коллекция Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге представлена предметами ритуального молебного облачения и интерьерными тканями кенас¹ – молебных домов караимов. Это налобник, таллиты, парохеты (завесы)².

Коллекция начала формироваться с 1932 г., когда в Музей поступили 9 предметов из Симферопольского Центрального Антирелигиозного музея Крымской АССР (далее ЦАМ). В Симферопольский ЦАМ, вероятнее всего, они попадали из евпаторийского Антирелигиозного музея, который был

филиалом Евпаторийского археолого-этнографического музея с караимским отделом. Евпаторийский Антирелигиозный музей был создан также в 1932 г. в здании бывшей караимской кенассы.

В Ленинград вещи доставил А. И. Полканов, заместитель директора Центрального Антирелигиозного музея Крымской АССР. Был составлен совместный акт передачи за № 67 «предметов караимского культа». Список предметов заключен в таблицу, таблица отчерчена от руки ручкой. Черными чернилами записан номер акта, а фиолетовыми – коллекции, номера страниц – красными, на второй странице в верхнем правом углу – фиолетовые пятнышки (чернильные кляксы).

Полканов Александр Иванович (1884–1971) это известный в Крыму ученый-историк, археолог, этнограф, искусствовед; юрист, общественный деятель; организатор науки, музейного дела, охраны и изучения памятников истории и культуры Крыма; член Союза художников СССР. Его долгая жизнь вместила и окончание духовного училища и семинарии, Петербургского университета; он был и начальником Крымохриса, и бессменным ученым секретарем Российского общества по изучению Крыма (РОПИК).

Ленинград в 30-ые годы был своеобразным общим музеем страны и в нашем случае Александр Иванович Полканов проявил и научную, и собирательскую заинтересованность в том, что отдельные караимские культовые вещи попадут в крупные музейные собрания. Так, благодаря А. И. Полканову, в 1932 г. небольшая культовая коллекция попала в Музей истории религии АН СССР Ленинграда³.

Один из самых ярких предметов этой коллекции на прямую связан с темой данного исследования: о становлении караимской фамильной ономастики. Это парохет (Рис. 1) – специальная завеса, закрывающая шкаф для хранения свитков Торы: в синагоге это арон ха-кодеш, в караимском варианте – кенасс, это – гехал⁴. Традиция использования подобной завесы связана с библейскими преданиями о Святая Святых Скинни Завета, которая должна отделять ковчег завета⁵. Занавес-парохет из музейной коллекции прямоугольной формы. Художественными приемами он композиционно поделен на средник и кайму, потому вертикально ориентированы узор и вышитый текст. Средник выполнен из парчи светло-золотистого цвета (бархат по парчовому фону), по полю – крупный цветочный орнамент, тисненый по бархату. В центре средника вшит картуш из лилового бархата прямоугольной формы, дополнительно украшенный золотным шитьем: картуш украшен золотным шитьем (гладкими и кручеными нитками),

канителью и блестками. Шитье настлано в прикреп и по карте – так богато вышит пятистрочный текст на еврейском языке. По периметру аппликации орнаментированные полосы ткани. Края парчовой основы заделаны широкой полосой синего шелка, нижний край – черной бахромой из длинных черных шелковых нитей. Подкладка из синего сатина.

Техника аппликативного шитья у крымских караимов отрабатывалась под большим влиянием школы художественного шитья Ближнего Востока⁶. Именно под влиянием караимских мастеров художественного шитья Сирии аппликации получили широкое распространение в крымской караимской среде. Сначала сирийские мастера получали заказы от крымских единоверцев, а затем и в Крыму появились высококлассные мастерицы. Рисунок вырезался из цветного сукна очень острым ножом, наклеивался вплотную на сукно, которое служило основным фоном, а по краю вырезанного рисунка накладывалась толстая крученая шелковая нитка. Шитье аппликациями очень декоративно и караимы Крыма часто украшали стены своих молитвенных домов – кенасс – завесами и покрывами. Живописный прием вливания тона в тон на данном парохете подтверждает характерный прием для Ближнего Востока. Занавес выполнен из фабричных тканей, но умелое аппликативное сочетание различных по цветовой гамме шелковых тканей придало ему свою оригинальность. Виноградная лоза, как декоративный элемент завесы, также связана с иудейской символикой в изобразительной традиции. Этот мотив необычно широко распространен на всем древнем Востоке, в текстах Священного писания упоминается неоднократно, как один из символов древнееврейского государства: «Израиль, цветущий виноград, производит себе плод»⁷.

Караимы строго следовали предписаниям Торы и чтители традицию особого украшения гехала в кенассах: парохет в культовом ритуальном искусстве караимов занимал важное место. Завесы преподносились в дар общине по поводу важных событий. В таких случаях делались посвятительные надписи с указанием имен дарителей и датами. Наиболее ценными считались завесы, в которых использовались более старые ткани. Иногда центральная посвятительная часть переносилась на новую основу.

Совершенно точно можно говорить о месте происхождения, представляемого парохета⁸ – он из караимской кенассы г. Евпатории⁹, преподнесен в дар, что следует из надписи, вышитой на парохете. Имена дарителей «вплелись» в орнамент. Именная завеса посвящена «святыне» города Гёзлев евпаторийской семьей почтенного господина Авраама. Только лапидарным

по способу графической записи еврейским языком можно было в пять строк текста вписать все титулы, должности и заслуги дарителей. Ниже привожу надпись дословно на языке оригинала и перевод ее на русский язык:

פרוכת זו הקדישה כ'מ' אברהם המשכיל
ב'כ'מ' משה גבאי המשכיל י'צ'ו' שפשל עם זוגת
מ' אקביכא הצנועה בת מעל' מרדכי
גבאי המשכיל הנכבד ל'צ'ו' אוכסוז לבית
נכנסת של ק'ק' גוזלווא בש' ת'ר'נ'ו' ופריתם פ'ק'

«Парохет этот посвящен п/очтенным г/осподином Аврагамом, мудрецом, с/ыном п/очтенного г/осподина Моше габая, мудреца, Да хранит, его, Господь, Бог, оплот и избавитель, Шапшала и супруги его, г/оспожи Акбиче, благочестивой (скромной), дочери почтенного господина Мордехая габбая, мудрого и почтенного, Да хранит, его, Господь, Бог, оплот и избавитель, Уксоза, для Дома собраний (кенассы), с/святой о/бщины Гезлева в год 656, по Малому счислению»¹⁰.

В данной надписи несколько раз упоминаются габай и шапшалы. Габай или шапшал (парнас) – это руководитель общины, ее администратор – должности, которые были утверждены Российской империей. Их принятие говорит о конкретных действиях со стороны глав общин, о длительном процессе по узаконению прав и полномочий караимских правлений.

Конец XVIII в. для караимов в Крыму стал временем самовыживания и общинной консолидации, что способствовало не только укреплению общины, но и такому последовавшему решению ее правового статуса, о котором тогда, в начале пути, духовные авторитеты даже не загадывали. В дальнейшем, по принятому в Российской империи положению, синагогой управляли несколько габаев, им вменялись определенные обязанности¹¹. В XIX в. габаям, как представителям руководства общины, ее администраторам, пришлось решать куда более сложные вопросы, выходящие за рамки общинных интересов. Они должны заниматься финансовыми делами синагоги, решать административные вопросы и т. п.; могли составлять и совет общины. В 1863 году караимы получают полные права граждан Российской империи. С этого момента караимские общинные лидеры стали духовно призванными содействовать включению своих членов к активной жизни в новых условиях. Получив налоговые льготы, караимские семьи осваивали такие отрасли крымского хозяйства, как шелководство,

виноградарство, садоводство и табаководство, которые очень быстро стали наиболее эффективными¹². Купеческий интерес привел их в столичные города. В Москву, Петербург уже выезжали с паспортами, где с именами в обязательном порядке указывались фамилии.

Вследствие включения в социально-политическую жизнь Российской империи, социальные звания в караимской среде с 1860-х годов XIX в. постепенно стали приобретать функцию фамилий. Так среди столичных купцов и промышленников появились Габбаи, Айвазы, Шапшалы. Уже в 70-80-е года – это были общепринятые и узаконенные фамилии. Благополучно сошлись интересы новой администрации и заботы караимских общинных духовных лидеров.

Контекст евпаторийской погребальной надписи показывает, что слова шапшал, габбай использованы не однозначно. Но могут ли они выступать фамилиями? За ответом на эти вопросы стоит обратиться к эпиграфическому корпусу некрополя Чуфут-Кале, на котором погребали своих родных и жители г. Евпатории.

К началу XIX века, согласно эпитафий, на кладбище Чуфут-Кале хоронили поселенцев из Кафы, Мангупа, Иерусалима, Константинополя, Гезлева, Керменчика. Но уже после 20-ых годов XIX ст. караимов, проживавших в Екатеринославле, Николаеве (1826), Севастополе (1858), Киеве, Могилеве, но похороненных на Чуфут-Калинском кладбище, было уже значительно больше, чем с восточных регионов¹³.

Принимая во внимание, что на кладбище Чуфут-Кале могут быть погребения представителей гезлевской караимской общины, мы стали искать примеры употребления в эпитафиях этих терминов, учитывая порядок записи слова габай на гезлевском парохете, где оно упомянуто дважды после имен Моше и Мордехай. Среди тысяч надгробий существует на могильнике и памятник 1888 года с эпитафией, на которой встречается Мордехай габай (Рис. 2)¹⁴. Это эпитафия Якова, сына почтенного господина Мордехая. Врезана она по зачищенной поверхности картуша глубоким рельефом, линия строк выдерживается разметкой. Почерк квадратный, печатного варианта с фигурными засечками. В эпитафии употреблен термин габай после имени Мордехай и поминальной молитвы: מרדכי זל' גבאי זל' אוקסוז. Мордехай заль Габай заль Уксоз. Обращаем внимание на сочетание личного имени Мордехай и термина Габай: дважды записанная в сокращении евлогия «זל'» («Да, будет упомянут он к добру») разбивает имя Мордехай, слово Габай и слово Уксоз, где последнее слово употреблено в качестве завершающего понятия к характеристике усопшего. Можно предположить, что, в этом случае, Габай – это фамильное отношение старца Мордехая, также, как и Уксоз – его фамильная принадлежность.

Рис. 1. Парохет из коллекции ГМИР

Рис. 2. Надгробие Якова, сына Мордехая габай Уксоз

Рис. 3. Надгробие Акбиче, жены Аврагама Уксоз

Рис. 4. Надгробие Мордехая габая Уксоз

Рис. 5. Надгробие Ханы, дочери Иуды габая Уксоз

Обнаруженное на некрополе надгробие Акбиче Уксоз 1901 года (Рис. 3), и между первым приведенным памятником 20 лет разницы, но общее время подтверждает почерк резчика. Почерк этого мастера передали и вышивальщицы евпаторийской завесы. В этой эпитафии дарительницы Акбиче, упомянуты Авра%ам Шапшал, Мордехай Уксоз. Слова Шапшал и Уксоз записаны после этих двух мужских имен по одной упомянутой выше схеме – через евлогию, что указывает на их определенную синтаксическую функцию в тексте некролога.

Следующий пример представляет надгробие Мордехая габая Уксоза 1842 года (Рис. 4). Слово габай здесь записано сразу же после имени и, можно говорить, что в некрологе имелась в виду должность Мордехая при общине, а Уксоз его фамильная семейная связь.

К решению нашего вопроса интересно представить еще одно надгробие. В некрологе на этом памятнике встречен также один из Уксозов, Иуда габай (Рис.5), который в 1881 году похоронил свою юную дочь Хану. Слово габай при имени Иуда записано, хотя и почти 40 лет спустя, но точно, как в предыдущем случае. Здесь следует, обязательно, сделать акцент не только на принадлежность к одной фамилии, но порядку записи титулатурных терминов: если нет изменений в социальном положении других членов этой семьи, то ничего не меняется и в записи.

Рассмотренные примеры употребления личных и социальных титульных имен на завесе евпаторийской кенассы и надгробных камней кладбища Чуфут-Кале, в полной мере позволяют проследить становление фамилий у членов караимской общины г. Гезлева (Евпатории). Этот процесс был естественным ходом развития в различных социальных и этнических обществах российской империи второй половины XIX века¹⁵. Вводимые в оборот эпитафические источники фиксируют этот исторический ход, установлена связь имен дарителей с эпитафиями на Чуфут-Калинском кладбище.

¹ кенасса или «бейт кнессет» – «дом собрания» (בית כנסת).

² парохет (от евр. глагола «парах» – «отделять» – פרוכת); талит (טלית) – покрывало, которым во время молитвы покрывают голову и обязательная принадлежность одежды религиозного еврея.

³ Санкт-Петербург и Москва этнографически уже были знакомы с национальными бытовыми предметами караимов. Когда Император Александр II прибыл в 1861 году вместе с супругой Императрицей Марией Александровной на Чуфут-Кале, караимки преподнесли ей полный подвенечный наряд невесты. Впоследствии этот подарок она передала в Дашковский этнографический музей в Москве. В 1867 г. во время пребывания Великого Князя Владимира Александровича в Евпатории ему был преподнесен национальный костюм караимского мужчины, который позднее был передан в музей этнографии.

- ⁴ ларец в Святаг святых Скинни и Первого храма, в котором хранились Скрижали Завета; самый священный объект этих святилищ. В Библии Ковчег Завета назван также описательно: «Ковчег Яхве, Владыки всей земли» (кн.И.Н. 3:13), «Ковчег Бога Израилева» (I Сам. 5:8), «Ковчег Завета Божия» (Суд. 20:27), «Ковчег Завета Яхве сонмищ (Саваофа), восседающего на херувимах» (I Сам. 4:4), «Ковчег могущества Бога» (Пс. 132:8). Всего раз Ковчег Завета назван *арон ха-кодеш* (ארון הקודש) «Священный ковчег», (II Хр. 35:3) и нередко просто арон (буквально «шкаф» или «ларь»); второе определение, действующее у сефардов: гехал - чертог (היכל).
- ⁵ ТаНаХ, Исх.26: 31-33.
- ⁶ караимы Крыма, имевшие единоверцев в Дамаске и Багдаде, постоянно поддерживали тесные контакты с ними и знали о высокохудожественном шитье этих городов: они зачастую заказывали там завесы для своих молитвенных домов. Особенно широкий спрос имели ковры с шитьем «каснак» («каснак» восточное или тамбурное западное – шитье в петлю) и высоким шитьем золотом в соединении с аппликацией. Аппликативная техника заимствована из Закавказья, Турецкой Армении и Ирана.
- ⁷ ТаНаХ, Ос. 10-11
- ⁸ инвентарный номер ГМИР: Е-2381–VII.
- ⁹ по караимской традиции в надписи город назван Гезлев. На кладбище Чуфут-Кале находятся более десятка надгробных памятников XIX – начала XX веков, в эпитафиях которых указывается город Гезлев как место жизни или смерти.
- ¹⁰ в случаях, когда в оригинальном тексте применены сокращения, то в переводе записаны слова полностью и косыми ригилями отделены начальные буквы передаваемых слов.
- ¹¹ Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи, 1890. – С. 134–140.
- ¹² Там же. – С. 158–159.
- ¹³ По материалам авторских исследований на некрополе Чуфут-Кале. – 2005–2007.
- ¹⁴ Двурогое надгробие, на котором упомянут Мордехай Габай Уксоз, находится в центре кладбища, если двигаться от ворот, на левой стороне, почти на самой тропе, во второй линии.
- ¹⁵ История евреев в России. – М., 2005. – С. 169–184; Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович. – СПб, 2012. – С. 106–110.

SUMMARY

Natalia Kashovskaya

«Karaitе family onomastics (for the epitaphs from Chufut Kale’s Jewish necropolis and ritual Karaitе’s collection from the Museum of the History of Religion)»

Investigating epigraphs from the cemetery Chufut-Kale (Crimea) and karaitе’s ritual collection from the State Museum of the History of Religion (Saint Petersburg) author trace early causes of using families among the Karaites from Crimea

Keywords: Simferopol, Евпаторија, Gezlev, Calais, iudei, evrei, karaïmi, kladovische, necropolis, burial, grave Kamin, Geha, Aron ha-Kodesh, paroches, synagogue, kenassa, Gabay, Shapshal, epitafiya, evlogiya